

ПЕВЕЦ

СОВЕТСКОГО БЕСПРЕДЕЛА

Лунгин защищается и контратакует

Получив два года назад на кинофестивале в Канне главный приз за режиссуру, Павел Лунгин, естественно, оказался в центре кинематографических страстей и пересудов — то ли он истинный первооткрыватель новых художественных путей, то ли баловень судьбы, то ли попросту банальный имитатор и пройдоха... В этом году фильм П. Лунгина «Луна-парк» лауреат в Канне не снискал. «НГ» написала об этом одной из первых (см. № 100 от 28.05.92), и некоторые вопросы автора сегодняшней публикации прямо повторяют тезисы статьи «Депардье должен был рухнуть от восторга».

Петр Кузьменко

Кино

— ПАВЕЛ Семенович, насколько атмосфера фильма, сгущенность негативных сторон нашей жизни в фильме «Луна-парк» определены расчетом на успех у западной публики, на успех в Канны?

— Каких сторон? Там просто сгущена жизнь. Этот фильм, как сказка, и так ставить вопрос... Мы же не говорим, что сказка «Гуси-лебеди» существует для того, чтобы о Древней Руси сложилось представление как о стране, где старушки сажали мальчиков в печь. Вообще надо раз и навсегда отказаться от комплекса, что на Западе любят, когда им показывают помойки России, что когда они видят русскую яму, то рука у них сразу лезет за кошелек. На самом деле наши помойки ничуть не более живописны, чем помойки, нищета, насилие и жестокость в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе или Бразилии. Сейчас мир ужаснулся, испугался нового насилия, общего явления распада, разбивания обществ на какие-то племенные структуры, возникновения необъяснимых ненавистей. Это начиналось когда-то с распада бывшего СССР, а сейчас это явление разрослось по всему миру, это явление интернациональное... А ангажированный фильм — его нигде не любят. Надо быть идиотом, чтобы его делать.

Тебя считают антисемитом, тебя считают русофобом, считают, что ты продался, что не можешь делать чистое искусство, — ты со всех сторон подставляешься, потому что твой фильм о жизни. Я его делал действительно по своему внутреннему нравственному долгу. Я делаю такие фильмы, которые мне хочется делать, и пока что я могу разрешить себе не думать о коммерческом успехе... В Канне я ни на что и не рассчитывал, хотя мне жаль, что гениально играющий Олег Борисов не получил приз за главную мужскую роль. Конечно, мне нельзя было надеяться — что же, я буду каждый раз ездить и каждый раз получать призы? Это дико и неправильно. Вообще меня раздражает сама идея раздачи медалей.

— Возможно от вас ждали повторения стилистики «Такси-блюз»?

— Наверное, ждали. Я не могу делать одно и то же: меняется время, меняются люди, я меняюсь, меняется ступень накала проблем. Мне хочется искать новый язык. Фильм получился экстремистский. Многие его любят, а многие очень не любят. У кого-то он вызывает даже физиологическое раздражение...

— Как вы думаете, «физиологическое раздражение» он вызывает своей эстетикой или своей проблематикой?

— Конечно, эстетикой. Вернее, отсутствием эстетизма. В кино как бы уже все известно. Если ты хочешь снимать, допустим, фильм на политическую тему, то некоторые кадры надо стилизовать под документальные. Если хочешь снимать художес-

венный фильм, как Дэвид Линч, то не лезь в реальную жизнь. Есть большая категория «русских фильмов» — обязательно замедленные, лирические, с дикими пейзажами, бесконечными ковьями, с широкими реками, бедными людьми с чистой душой... Меня спрашивают: «Русский ты или нет?». Я не знаю, я живу в таком ритме. Поэтому мой фильм в какой-то степени бросает вызов «высоколюбим». Понимаете, меня злит и раздражает то, что сейчас делается отдельно кино для умных и кино для дураков. Я не вижу ни дураков, ни умных. Я вижу вокруг себя живых людей. И прежнее настоящее кино, фильмы, которые я любил: «Чапаев», фильмы Чаплина и Орсона Уэллса — они не знали этого разрыва, они были для людей вообще. Потом появился этот замумный Годар, скучный сам по себе, и как ответ возник «Рэмбо». Людей как будто специально разводят. Вместо того чтобы они получали целостную «штуку», им дают таблетку для головы или бифштекс для желудка. Мне хотелось замешать в фильме все: и «спектакль», и идеи, — чтобы он «протащил» тебя до какого-то сильного ощущения. Вот это единственная амбиция моего фильма. Киноведы не будут любить этот фильм. Есть такая критика, которая превращается в змею, кусающую себя за хвост. То есть она уже сама программирует, какое кино для нее надо делать, чтобы потом она могла его «правильно» оценить, чтобы «правильно» оцененные делали ей новый фильм...

— Как вы относитесь к уже прозвучавшим в ваш адрес упрекам в русофобии?

— Я отношусь к этому, понимая, что есть определенная категория людей, которая боится свободы. Новые националисты и старое руководство объединяются, и оказывается, что им очень хорошо вместе, потому что на самом деле их главная мечта, главная идея — закрытая страна. В этой стране люди не имеют права жить так, как

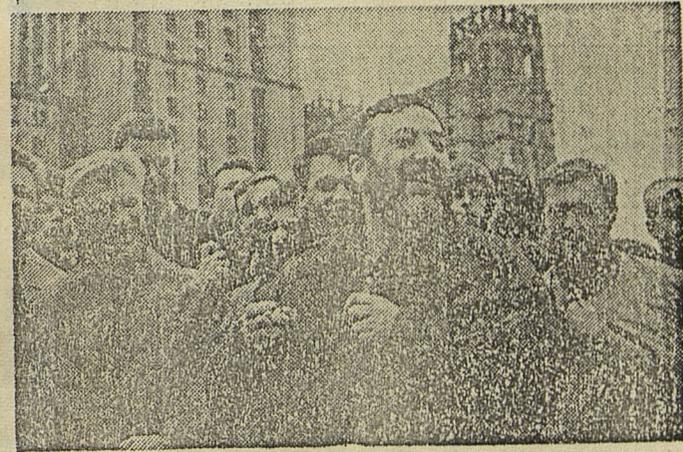
живут люди во всем мире; здесь жестокость, отсутствие свободы, отсутствие нормального жизненного уровня объясняется мистическими рассказами об особом пути России, о ее роли в спасении мира. Такие люди есть и будут. Я, конечно, утверждаю общечеловеческие ценности, для меня главное то, что объединит людей, приводит их к общему миру... Как не заметить, что я люблю этого мальчика — своего героя? Для меня главное в фильме — его финал. Этот мальчик и Наум Хейфец — вовсе не отец и сын! Без этого фильм был бы обыкновенным — ну открывает человек себя, открывает мир, осознает, что плохо быть антисемитом... Но от того, что он не его сын, от того, что они просто любят друг друга и здесь не играет роли ни раса, ни кровь... Вот что важно. Любить отца легко. Любить чужого — это для меня есть главный и единственный оптимизм...

— Не думаете ли вы, что обилие «еврейской» темы в сегодняшнем театре и кино может не укротить, а спровоцировать национализм?

— Нет, не думаю. Дело не пахнет погромами. Об этом очень долго запрещено было говорить. Когда мы говорим об этом то со смехом, то со слезами, как будто выходят запретные слова — со смехом и слезами выходит страх запретов. Мне кажется, чем больше фильмов, тем меньше возможности, что это ужасное будет происходить в реальной жизни. Как заклинание духов.

— Почему на роль Наума Хейфеца вы пригласили именно Олега Борисова?

— В этом фильме еврей как бы не еврей — это дух еврейства. Я не хотел, чтобы был такой «дамский горной» — набор ухмылок, прискоков, подтяжек, расставленных мизинцев. Олег всегда играет Душу. Не внешний рисунок — у него внешнего как бы нет вообще, он вообще как бы не играет. Олег — это была моя мечта. Мне хотелось, чтобы он сыграл не святого (все любят еврея, который вы-

Павел Лунгин на съемках фильма «Луна-парк».

ходит из ворот Освенцима с левочкой на руках или со скрипкой), а живого, хитрого, злого, детского, ну какого-то такого, которых я знал сам. Короче говоря, хотелось какого-то нечестивого и очаровательно. Он блистательно все сделал и сам, кажется, любит эту роль.

— Павел Семенович, вы вновь будете работать с французами? Будете снимать следующий фильм там или здесь?

— Буду работать с французами, но здесь. Просто французы дают часть денег на съемку. Я как бы веду линию про своего любимого «гомо советикуса», потому что, с одной стороны, он исчезает, с другой — фильм это какое-то свидетельство времени. Было время «Такси-блюза», сейчас мы пройдем через безумное время «Луна-парка». Я буду делать фильм о мафии, но расскажу про дружбу, про беспредел.

Я певец советского беспредела («беспредел» настоящее слово, его нет ни на каком другом языке и быть не может). Я хочу сделать историю про дружбу, высокую поэзию между Москвой и Нью-Йорком, про русских, которые мучают американцев, потому что ничего не болтается, потому что прошли через такое, что американцы перед ними, как дети...

— Я слышал, что ваш фильм успешно идет во Франции.

— Я получил результаты первых недель и был удивлен — он на девятом месте по посещаемости зрителями. Ведь рядом идут такие американские гиганты, как «Чужой-3», «Смертельное оружие-3»... И вообще приятно, что весь Париж заклеен лицами ребят, которых я набирал для съемок на станции «Ждановская», в Орехове-Борисове, по подвалам... Очень приятно.